

КРИСТИНА ПОРТМАН

18+

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

**ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ
СТРАСТИ**

Кристина Портман

Долг платежом страсти

<https://litres.ru/55745157>

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-94192-2

Аннотация

Одна карточная игра. Одна ставка. Вся жизнь под угрозой.

Кристина даже не подозревала, что станет разменной монетой в отцовской игре. Проиграна в карты как вещь. Отдана в руки мужчины, от одного взгляда которого кровь стынет в жилах.

Но самое страшное впереди.

Спасение приходит от его сына – загадочного красавца Давида. Казалось бы, можно вздохнуть с облегчением... Но почему его прикосновения заставляют сердце биться так безумно? Почему в его глазах читается что-то большее, чем простое сочувствие?

Между отцом и сыном разгорается опасная игра, а ставка – невинная Кристина.

Один жаждет обладать ею силой. Другой плетет более тонкие сети. Но кто из них окажется хищнее? И сможет ли девушка выжить, когда правила игры изменятся навсегда?

Страсть, опасность и темные секреты семьи, способные разрушить все...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	53
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Кристина Портман

Долг платежом страсти

Глава 1

Скажите, Вас проигрывали когда-нибудь в карты?...

А, если это делал близкий Вам человек?

А, если это был Ваш отец – человек, которого Вы с детства обожали больше всего на свете и буквально боготворили, который всегда был самым близким и любящим Вас человеком, который был единственным Вашим родителем...

Нет, не доводилось? Поздравляю, значит Вас никогда со всей силы не били под дых.

Когда меня уводили я неотрывно смотрела ему в глаза. Я всё надеялась, что это какая-то шутка, розыгрыш. Разве можно проиграть в карты человека? Разве можно проиграть в карты единственную любимую дочь?

Но, глядя в его жалкие стыдливо опущенные глаза, я вдруг поняла, что, оказывается, можно. И именно это со мной и произошло. Меня – красивую девушку, которой едва исполнилось 18 лет, студентку первого курса МГУ – проиграл в карты родной отец.

– Не волнуйся, Кристина, – говорил он в пол, всё ещё не

решаясь посмотреть мне в глаза. – Это совсем ненадолго. Я соберу нужную сумму, и уже завтра-послезавтра ты будешь дома.

– Ага, завтра-послезавтра, – раскатисто рассмеялся Георгий Константинович, мой новый хозяин, грубо подталкивая меня в спину. – Дай Бог, чтобы через пару недель нашёл. Учти, Серёга, дружба дружбой, но твоя дочь сведёт с ума любого. Я, конечно, постараюсь, держать себя в руках... но, ничего обещать не могу. Так что в твоих интересах поторопиться.

– Попробуй только пальцем тронь её, – нашёл смелость поднять, наконец, глаза мой родитель. Отцом я теперь вряд ли когда-то его назову.

– А то что? – самодовольно хмыкнул вдруг почерневший дядя Жора. – Ты смотри, берега не путай, Сережа. Не забывай – с кем связываешься. Сроку тебе неделя. Пятьсот тысяч зелени не такая большая сумма, чтобы рисковать единственной дочерью. Она ведь у тебя вся такая домашняя, да ещё целка, небось? Ну-ну. Что стала, пошла! – и он вывел меня из родительской квартиры.

– Доча, не переживай, завтра-послезавтра я приеду за тобой, – прокричал мне вслед папка.

Мы спускались вниз по ступенькам. Где-то наверху глухо захлопнулась дверь моей квартиры. А заодно и дверь моей прежней жизни.

Я вдруг отчётливо поняла, что с этой минуты уже ничего

не будет как прежде. И жизнь моя полностью меняется. Вот в этот самый момент. И совершенно непонятно – в какую сторону. Стало страшно. Страшно, как никогда.

Ах, мама, если бы ты была жива. Ты бы никогда не допустила этого кошмара. Как же так вышло.

* * *

А начинался этот вечер вполне радушно. К отцу пришли его старые друзья, бывшие афганцы. И они устроили застолье.

Чуть позже подтянулся и мой крёстный – дядя Жора, в армии он был командиром роты у отца и его друзей. После афганской войны жизнь их раскидала – кого в князи, а кого в грязи. В частности, у отца моего была своя компания по продаже автозапчастей, а Георгий Константинович курировал несколько проектов, в том числе и каких-то мутных, о которых он никогда не распространялся. Поговаривали, что он как-то связан с криминалом.

Но при этом бывшие афганские друзья сохранили приятельские отношения и иногда собирались вместе, вспомнить былое.

А дядя Жора прочно вошёл в нашу семью. Ведь это же он познакомил моего отца с матерью. А потом и стал крёстным.

В общем, обычное застолье. Я сидела у себя в комнате. Потом друзья стали расходиться, их осталось в зале человека

четыре. И они решили поиграть в покер.

Было много алкоголя и много форта для моего отца. Когда ушли ещё два друга и их осталось двое, дядя Жора предложил увеличить ставки, чтобы отыграть проигранное.

Отец был уже сильно навеселе, удача вскружила ему голову, и он согласился. Ставили много, отцу везло. Наконец, Георгий Константинович сделал ошеломительную ставку. У отца не хватало даже выигранных денег, чтобы поддержать... но жадность окончательно сбила его с толку, поэтому в пьяном угаре он дерзко заявил:

– Ставлю всё и... мою дочь!

Дядя Жора аж поперхнулся. Задумался. Но потом взгляд его стал хищным.

– Идёт, кум. Но смотри – за язык тебя никто не тянул.

Когда вскрыли карты, стало ясно, что крёстный выиграл... На отца было жалко смотреть.

Я сама не видела, это мне потом дядя Жора рассказал, по пути в мой новый дом.

Но, конечно, меня проиграли не навсегда – всё-таки двадцать первый век на дворе, Москва – мы же не в горах где-то. Я буду собственностью крёстного, пока отец не вернёт деньги. Что значит – буду собственностью я не понимала. Полагала, что просто поживу у дяди Жоры какое-то время...

Ах, если бы я знала – что у него было в голове и во что превратится моя жизнь в ближайшие дни, я бы никогда не позволила вывести меня из квартиры. Мне было бы легче

выброситься в окно, чем допустить такой участи.

Но тогда я не знала. Я спала, когда крёстный вошёл в мою комнату, сел возле кровати и ладонью провёл по моей голове, переходя на шею, плечо, руку... я проснулась!

– Собирайся, Тинка, – так он меня обычно называл. И глухо продолжил – теперь ты моя.

Пришёл отец, успокоил, что это часть игры, я всегда ему безгранично верила и слушалась во всём, поэтому не успела толком ничего сообразить и даже испугаться. Словно в каком-то ступоре, собрала несколько своих вещей и вышла из комнаты. И лишь в коридоре, когда я окончательно проснулась – до меня дошла вся чудовищность произошедшего, поэтому наше прощание не было нежным.

* * *

Мы вышли из дома, сели в шикарный чёрный джип. Водитель шумно тронул с места.

Дядя Жора сидел сзади рядом со мной и что-то пьяно и весело рассказывал. Я не слушала.

В голове не было никаких мыслей. Только гнетущее чувство тревоги и необъяснимого страха теснило грудь.

По ночным московским улицам судьба несла меня навстречу неизведанности.

Глава 2

Мы выехали за МКАД. Завернули на Рублёвку.

Несмотря на то что дядя Жора был моим крёстным и наши семьи вроде как дружили – мы никогда не были у него дома, он всё время приезжал сам. Да и то, нечасто. Я ничего толком не знала ни про его жену, ни про семью. Вроде были какие-то дети, а может и нет.

Поэтому для меня всё было ново и на удивительные замки вдоль шоссе, огороженные не менее великолепными заборами, я смотрела с нескрываемым любопытством.

Здесь жила элита. Богачи. Люди, о которых рассказывает Forbes, которые мелькают на экранах телевизоров и, которых я почти никогда не встречала в своём более скромном окружении. Я представила, что хоть ненадолго, но тоже стану частью этой запретной манящей жизни и неконтролируемый полёт фантазии вскружили мне голову.

Участь побыть собственностью дяди Жоры заиграла другими красками. Появился оптимизм. Может быть, наоборот, это будет прекрасное время, а я, дурочка, испугалась.

В конце концов, каждому судьба даёт ровно столько, сколько он может вынести – не больше. Но я же не на краю пропасти – а на краю новой жизни. Поэтому вообще нет никаких причин склоняться к фатализму и успокаивать себя...

Меня не в рабство продали и не на органы. В конце концов, это мой крёстный, который наверняка меня любит и будет баловать, как родную дочь.

Чем дальше мы углублялись по Рублёвке, тем меньше меня беспокоила тревога. И волнения как-то сами собой сменились нетерпением – я ждала дом крёстного. Было очень интересно, где мне предстоит провести грядущие каникулы.

Благо лето, экзамены позади. Наверняка у них есть бассейн – с восторгом думала я.

И даже уже представляла себя в летней шляпке, на шезлонге с освежающим мохито в руке. Лишь бы отец не сильно торопился. Когда ещё представится шанс пожить на широкую ногу. А какие чудесные у меня будут фоточки в инстаграм.

Интересно, что дядя Жора имел в виду, когда в прихожей указала на мою девственность? Видимо, припугнуть хотел. Пьяный базар.

Да, целочка. Да, не было никого. Я интересная красивая девушка и не стану ложиться под любого только потому, что уже возраст и что почти все мои подруги уже познали радость сексуальных ласк. Ну уж нет. Дождусь любимого. Не обязательно принца, но вот, чтобы хорошего, которому я могла бы доверить самое святое, что у меня есть.

Хотя, конечно, природа брала своё – гормоны, развивающееся тело. И иногда между ног сводило так, что хотелось всунуть туда да хоть что-нибудь лишь бы сбросить это тяну-

щее напряжение. Но я отгоняла эти мысли. Грязь это всё. И даже мастурбация была для меня табуированной темой. Я как-то пробовала засунуть туда палец, но... но не смогла. Как-то это неправильно всё, непонятно. И порнографию, разумеется, я тоже не смотрела.

Ждала! Трепетно и верно ждала своё подлинное счастье, своего настоящего мужчину.

Наконец, мы остановились перед огромными воротами. С каменными львами на колоннах по бокам. В стороны от ворот тянулись высоченные стены из дорогого белого камня. Я заметила несколько камер видеонаблюдения. Вот уж действительно неприступный замок!

Ворота тут же, благодаря неведомой силе, распахнулись и мы въехали на изысканную территорию с потрясающим ландшафтом. Даже в ночи, фонари по всему двору создавали такое освещение, что видно было как вечером, когда солнце ещё не село окончательно.

Ухоженные деревья, кустарники – сразу было понятно, что здесь не один человек приложил руку, чтобы зелень максимально облагораживала местность. Всё было высажено и пострижено так точно и аккуратно, что любой эстет-перфекционист ахнул бы от восторга.

Краем глаза я заметила фонтан в глубине двора. Всё мне было ново. Никогда ничего похожего в реальной жизни я не видала. Несмотря на собственный бизнес, отец не мог побаловать меня роскошным окружением или подарками. Мы

жили обеспечено, но без напускного ненужного пафоса.

Из-за деревьев проступил белокаменный двух или трёх-этажный особняк. Я сидела с открытым ртом. Огромные панорамные окна, балкон, какое-то экзотическое растение вилось вдоль стен, придавая особняку элемент уюта и лесной сказочности. Крышу украшала великолепная дымоходная труба, что указывало на не менее шикарный камин внутри... как мне казалось или хотело казаться. Даааа, обойти этот дом по периметру будет такой же непростой задачей, как и обойти всю территорию, в целом. Ух и погуляю же я завтра. Днём, в лучах солнца, это всё наверняка смотрится в разы интереснее. Живут же люди! Живу же теперь и я!

Мы остановились у дверей. Вышли из машины. Водитель поехал ставить машину в гараж. Массивные двери высотой в два-три человеческих роста из какого-то видно очень дорогого дерева распахнулись сами собой, как и ворота до этого. Я осторожно провела рукой по их поверхности – до сих пор не верилось, что всё это происходит по-настоящему.

Внутреннее убранство ничуть не уступало внешнему великолепию. Всё здесь было сделано со вкусом, с шиком. Роскошь давила буквально со всех сторон. Скульптуры по углам, экзотические вазы, фешенебельная мебель, на второй этаж вела шикарная лестница из белого мрамора.

Совершенно очарованная увиденным, я напрочь забыла про свои страхи по пути в этот новый мой дом. Всё, что меня окружало больше походило на декорации для голливудского

фильма, чем на обычный дом обеспеченного русского гражданина.

Дядя Жора вместе со мной, словно в первый раз, осматривал свои владения, абсолютно точно чувствуя моё настроение и восхищение.

– Ну вот, – спросил он, очень довольный моей реакцией.
– Нравится?

– Ещё бы, – выдохнула я.

– Здесь ты теперь будешь жить, – продолжил он, положив руку мне на спину и плавно спустив её на талию... а потом и на попку.

Меня будто током ударило от столь неуместного прикосновения. Он ведь был мне почти как второй отец. Поэтому я резко отстранилась, сделав шаг вперёд. Очевидно же, что это всё алкоголь.

– Ладно, – процедил он, уже не столь радушно – пойдём, покажу твою комнату. Ну а завтра уже тогда познакомишься со всем домом. Я тебе всё покажу, расскажу. Ещё и не захочешь уезжать, – усмехнулся он.

По лестнице мы поднялись на второй этаж. Я всё боялась замарать её – такой белизной отливали её мраморные ступени. На втором этаже от лестницы в разные стороны вели три коридора – прямо, налево и направо. Мы пошли по коридору направо.

На стенах висели какие-то весьма оригинальные картины, пол был устлан чем-то мягким, бесшумным, чем-то напоодо-

бие ковролина. Мы прошли несколько дверей. Интересно, что за ними скрывается? Наверное, комнаты для гостей.

Наконец, он остановился перед дверью в конце коридора. Открыл её ключом. И радушно распахнул. В комнате автоматически включился ночник, озарив пространство уютным полумраком.

– Проходи, Кристиночка. Чувствуй себя, как дома, – хлебосольно пригласил крёстный.

Это была весьма уютная комната, как в хорошем дорогом отеле. Двухспальная кровать, на стене телевизор, шкаф. Мягкий ковёр на полу. Большое зеркало в углу. Столик, два изысканных кресла вокруг него. И да, здесь был свой отдельный сан.узел. Огромная ванна. Биде. Выглядело всё это очень комфортно. Два больших окна выходили на лужайку во дворе.

Я окончательно успокоилась. Всё здесь радовало меня.

– Нравится? – подмигнув, спросил дядя Жора.

– Да, очень.

– Вот и славно. Высыпайся. Завтра тебе принесут завтрак.

Я немного смутилась. Не привыкла к такому вниманию.

– Ну что Вы, я могу спуститься на кухню, мне несложно, – услужливо предложила я со смущённой улыбкой.

Дядя Жора как-то странно на меня посмотрел. Устало – ну это понятно, но и ещё что-то было в этом взгляде, что-то, что мне не очень понравилось. В нём таилась какая-то угроза. Сейчас это был не мой крёстный – добрый, весёлый

мужчина, который одаривал меня подарками, балуя каждый раз при встрече – нет. Это был какой-то незнакомый мне мужик лет 50-55, с внушительным животом, редеющей чёрной шевелюрой, с обильной проседью, резко выступающим греческим носом, чёрными глазами и бросающейся в глаза толстой золотой цепью с массивным крестом на груди.

– Завтрак. Тебе. Принесут. – отчеканил он каждое слово.
– Привыкай к послушанию. В моём доме с этим очень строго. Спокойной ночи, – закончил он снова приветливым добряком.

– Спокойной, – затравленно ответила я.

Он вышел из комнаты, и я отчётливо услышала, как он закрыл меня на ключ.

Зачем? Наверное, чтобы мне не помешали отдыхать?

А, впрочем, уже всё равно. Я так устала за этот долгий странный вечер, что мне было не до раздумий. Это его дом, он здесь хозяин, я его гостя и наверняка он лучше меня знает – как всё устроить наиболее комфортно. Точка.

Переодевшись в свою светло-бежевую шёлковую ночную рубашку, я легла в огромную мягкую постель и почти сразу уснула. Эх, что день грядущий нам готовит...

Глава 3

Проснулась я утром от чьих-то прикосновений.

Едва открыв глаза, я с изумлением увидела рядом с собой Георгия Константиновича в халате. Он сидел на моей кровати и поглаживал меня по голове, по рукам. Лицо его светилося изрядным добродушием.

– Доброе утро, милая, – ласково произнёс он. – Я принёс тебе завтрак.

На столике я увидела поднос с сэндвичами, клубникой, круассанами и чашкой кофе. Ко всему прочему, завтрак украшала красивая алая роза в изящной вазочке.

Всё это было, конечно, здорово, но после сна я не привыкла, чтобы меня кто-нибудь видел и уж тем более так близко и совсем уж тем более – малознакомый мужчина. Хоть он и крёстный, но мы не были настолько близки с ним, чтобы будить меня по утрам. Это было явно лишнее. Надо ему впредь сказать, что, вообще-то, хорошие манеры никто не отменял и не мешало бы стучаться прежде, чем входить к девушке в комнату.

– Как тебе спалось на новом месте? Приснился жених невесте? – ухмыльнулся он, продолжая меня поглаживать.

– Доброе утро, дядя Жора, – выдавила я, несколько сконфуженная его поглаживаниями. – Хорошо спалось, никто не

снился.

– Ты уже взрослая девочка, можешь звать меня просто Жора. Без всяких дядь. Хорошо?

Я смутилась. Что? Жора? Серьёзно?! Ну ладно.

– Я попробую. Так непривычно.

– А для тебя теперь многое будет непривычным, – всё ещё продолжал поглаживать, любуясь моими обнажёнными руками, крёстный. – Какая у тебя нежная кожа.

Я привстала в постели, прикрывшись пледом и выразительно отстранилась от него. Да какого чёрта? Не протрезвел ещё, что ли.

– Папа не звонил?

Дядя Жора убрал свою руку, скептически посмотрел на меня и с совершенно серьёзным взглядом попытался выдавить улыбку:

– Нет, не звонил.

Воцарилось молчание. Я просто не знала о чём ещё говорить и что делать дальше.

– А я вот принёс тебе завтрак, как самой почётной гостье моего дома, – весело сказал он.

– А что, у Вас ещё кто-то гостит?

– Нет, но даже если бы они и были, ты была бы вне конкуренции.

– Спасибо.

– Хочу отметить, что это большая честь! Не каждому завтрак в постель приносит сам Георгий Мурадов. Расскажешь

кому – не поверят. Прошу к столу!

Я ещё больше смутилась. На мне была только рубашка, едва прикрывающая полупрозрачные трусики. По правде сказать, я давно из неё выросла, но она мне так нравилась, что отказаться от неё было выше моих сил.

– Я попозже.

– Остынет же, – наседал крёстный.

– Вы меня извините, дя... Жора, но я бы хотела одеться, прежде, чем подойти к столу.

– Да-да, я понимаю. Но тебе не нужно меня стесняться. Наоборот, чем свободнее ты будешь себя чувствовать в моём присутствии, тем легче и интереснее для тебя пройдёт наше совместное время. Понимаешь?

Я не понимала. Он продолжал:

– Я уже не молод, но душа моя вне времени – она полна жажды жизни. Я обеспеченный человек и могу позволить себе всё. Всё, да не всё. Я тоскую по тем временам, когда всё вокруг меня восхищало, радовало, когда я чувствовал бурление жизни. Вчера, когда отец поставил тебя на кон – я чуть не свихнулся, когда на мгновение представил сколько всего ты можешь внести в мою жизнь. Ты – молодая, красивая, чистая, словно ангелочек. Я же знаю тебя с детства. С тобой мы бы заново открыли этот мир – со всем самым лучшим и радостным, что только он может нам дать.

Дядя Жора самозабвенно говорил, а я пыталась ущипнуть себя – не сон ли это? Как он себе это представляет? Что-

бы я и он... чтобы мы... что он несёт? Я и этот старый толстый грек, с отдышкой, сединой... да никакие деньги никогда не толкнут меня в объятия его и подобных ему персонажей. Мне тошно было даже представить, чтобы коснуться его чуть больше, чем просто подставить щёку для приветственного или поздравительного поцелуя. Крёстный, что с тобой...

– Эх, Тинка, ты не смотри, что я не так бодр, как твои сверстники, – продолжал он, словно отгадав мои мысли, – в мужчине главное стержень – как духовный, так и... ну ты сама понимаешь. А с этими двумя у меня полный порядок, я дам фору любым молокососам из твоего универа в зауженных брюках. В этом даже не сомневайся. Жора ещё кремень, сила! Прошу к столу, милая...

Я не шелохнулась. Воцарилась томительная пауза. Единственное, что мне хотелось сейчас сильнее всего – это, чтобы он ушёл. Желательно навсегда. А бывший отец поторопился с деньгами.

И крёстный снова безошибочно уловил моё настроение. Он хмыкнул, встал, прошёлся по комнате. Остановился у окна, недолго посмотрел во двор, как бы собираясь с мыслями. Затем повернулся. Я почувствовала, как атмосфера в комнате заметно изменилась. Взгляд его обрёл угрожающую жёсткость.

– В общем, так, – заговорил он совершенно серьёзно. – Раз уж пока не получается нормального общения, будем го-

ворить прямо, без прикрас. В настоящее время ты моя собственность, моя вещь. И я единственный твой хозяин. А как ведёт себя вещь? Она тиха и смиренна. А значит и ты будешь безропотно выполнять всё, что я тебе скажу, – он сделал паузу, – вообще всё, понимаешь?

Я смотрела на него с широко раскрытыми от ужаса глазами. Разговор перестал быть конструктивным. Мои предстоящие каникулы тоже превратились в розовый пшик вчерашних фантазий. Ситуация становилась опасной.

– Ты девочка красивая, аппетитная, девственница. Всё, как я люблю. И от тебя мне нужно исключительно послушание и ласка. Нежность и обожание! И, кстати, запомни, если будешь ласковой как кошка во время течки, я тебя ещё и щедро отблагодарю. Деньги не проблема. Шмотки, путешествия, гаджеты – всё, что хочешь, будешь в шоколаде!

– Крёстный..., – выдавила я, пытаюсь призвать его к здравому смыслу.

Но его это буквально взбесило:

– Забудь весь этот детский сад с крёстными и крестницами. У тебя теперь есть мужчина, твой хозяин, а у меня есть вещь, рабыня. Всё! Никаких других ролей здесь быть не может. Усекла?

Я всё ещё не могла поверить, что это происходит в реальности, что это не продолжение какого-то чудовищного сна. Я неиспорченная девочка и представить вообще всё, что он захочет – я бы вряд ли смогла, но то, что смогла – меня бук-

важно ошеломило. И, что самое страшное, я поняла – что у меня нет выбора. Будет так, как он хочет. В любом случае! По-хорошему или по-плохому. Ужас сковал моё сердце, слёзы выступили на глазах...

– Но дядя Жора, – сквозь слёзы глухо попыталась я сказать.

– Никаких дядь, сука!!! Не беси меня! Жора!!! – орал он.

И тогда от страха, отчаяния и безысходности я просто зарыдала. Эмоции душили меня. Что происходит? Почему я? За что? За что же так со мной...

Он вдруг бросился ко мне:

– Ну что ты, плачешь, дурочка, – примирительно заговорил дядя Жора, – тебе ещё понравится. Я могу быть очень нежным и внимательным. Тебе же несказанно повезло, что именно я буду у тебя первым мужчиной – мудрый, опытный. Я открою для тебя такой мир наслаждения, который ты сама вряд ли бы познала за всю свою жизнь. Знаешь, сколько у меня было женщин, сколько я всего умею. Ооооо. Ну успокойся.

Утешая меня, он взял моё лицо в свои волосатые руки и начал его беспорядочно целовать. Запах перегара, табака и какого-то одеколona душили меня. Я пыталась сопротивляться, но всё было тщетно. Он крепко держал меня, продолжая осыпать поцелуями. Затем переместился на шею. На грудь. Сквозь ночную рубашку я чувствовала его колючую щетину. Я пыталась закрыться, но он с силой развёл мои ру-

ки в стороны. Я отвернулась и, продолжая дёргаться, беззвучно рыдала в сторону, пытаясь высвободиться, насколько это возможно.

Он жадно целовал мою грудь сквозь нежную ткань ночнушки.

– Что ты там прячешь, куколка? – прохрипел он. И двумя руками надвое разорвал мою рубашку на груди, обнажив уже сформировавшуюся упругую грудку со светло-коричневыми сосочками. Он был первым мужчиной, которой видел её.

– Ооооо, какая прелесть, – сладострастно протянул Жора, держа мои руки по сторонам и нагло разглядываю мою грудь. – Как давно мечтал я о ней. Ещё когда они только-только набухли на твоё двенадцатилетие, я уже подозревал – во что расцветут эти бутончики.

И он принялся их жадно целовать, царапая щетиной мою нежную и невинную грудь. Волна омерзения пронзила всё моё тело. Я чувствовала, как тошнота подступает к горлу.

Этот здоровый толстый старый мужик своими сальными грязными губами, своим вонючим ртом от табака и вчерашнего перегара лизал мои сосочки, мою грудь, которую я все эти годы берегла от посторонних, храня её исключительно для любимого человека – для моего первого парня.

Если бы можно было тогда умереть от остановки сердца – я приложила бы все усилия, лишь бы только не чувствовать этих мерзких прикосновений, лишь бы перестать осознавать всё происходящее.

У меня началась самая настоящая истерика. Слёзы душили меня, я рыдала. От окончательно нахлынувшего отчаяния и омерзения я просто закричала – громко, сильно, в надрыв.

Он тут же выпрямился и резко заткнул мне рот своей волосатой лапой.

– Тише ты, дура.

Поддержав немного руку и убедившись, что кричать я больше не буду, он освободил мне рот. Я беззвучно рыдала.

– Да, что-то действительно я увлёкся, – ухмыльнувшись, сказал дядя Жора. – Ты же ещё даже не жрамши.

Он встал с кровати, поправил халат. Я тут же запахла разорванными краями ночнушки облизанную им грудь. Краем глаза я заметила, что его халат выпирает в районе талии. У него был отчётливо выраженный стояк. И снова вторая волна тошноты подступила к горлу.

– Так, я пошёл, – успокаивающе начал Жора, – ты давай ешь. Учитывая твой строптивый характер, будешь сидеть взаперти.

Он подошёл к креслу, в котором лежала моя сумочка, порылся там, достал мой телефон, положил себе в карман.

– Это пока побудет у меня, нечего в соц.сетях сидеть. Вредно для здоровья. В окно не суйся – там охрана. И давай настраивайся на нормальный лад. Мы прекрасно проведём с тобой время, и ты ещё и заработаешь. Подумай об этом. Всё будет. Обещаю. Будешь жить как королева. Если станешь ласковой, конечно. Если полюбишь меня. А нет –

тогда я тебе не завидую. Тогда, дорогая, готовься к участи рабыни, подстилки. Моей подстилки. Собачий корм жрать будешь, ноги мои лизать, лишь бы заслужить мою доброту. Это я тебе гарантирую. Задумайся, ты девочка вроде бы умная. До вечера. Ух, у нас сегодня будет жаркий вечерок, – закончил он, радостно потирая ладони.

И вышел, закрыв дверь на ключ. А я неподвижно осталась лежать на кровати. Слез не было. Мыслей тоже. Только сердце бешено kloкотало. Папа, папа, что же ты наделал... И что теперь делать мне. Я прекрасно понимала, что вечером мы будем отнюдь не миловаться... Он здесь хозяин, ему бояться нечего. Он просто возьмёт своё... точнее моё. Возьмёт грубо, сильно, больно... Маловероятно, что я это выдержу. Интересно, выдержит ли люстра верёвку с моим весом...

Глава 4

Я лежала ещё долгое время. Неподвижно. Рассматривала потолок с изящной гипсовой лепниной. Я чувствовала себя подобной фигуркой из гипса на чьём-то крепком потолке жизни. Я была красива как любая фигурка на потолке, так же светла, как она, и столь же хрупка в чьих-то грубых руках.

Сознавать свою беспомощность было ужасно. Я почти отвлеклась от всего произошедшего утром, но волна воспоминаний своим ледяным пронизывающим касанием вернула меня в реальность. Я вспомнила, что грудь моя в его следах, слюнях. Резко вскочив с кровати, я скинула с себя остатки ночной рубашки, трусики и бросилась под душ.

Раз за разом намыливала я себя гелем и смывала – мне казалось, что смыть его запах, отпечатки рук просто невозможно. Я намыливала свою грудь теми же движениями, какими он мял её и это было отвратительно. Не знаю сколько времени я провела под душем, пока наконец, не почувствовала, что всё. Я чиста. Тело моё чисто, но не память.

Вытерлась большущим махровым полотенцем и, закутавшись в него, вернулась в комнату.

Нужно было что-то делать. Но что? Легче всего сдать. Может всё-таки попробовать сбежать, но как – я сама видела, как прочно здесь всё обнесено забором, везде камеры,

охрана. Проскочить незамеченной просто нереально.

Позвонить бывшему отцу? Но для этого нужно выбрать-ся хотя бы в коридор и попробовать договориться с обслуживающим персоналом. Очень маловероятно, что они пойдут мне навстречу. Зачем им рисковать своим положением и наверняка хорошей зарплатой, ради непонятно кого – случайной и скорее всего очередной девушки с улицы... что же делать, что делать...

Поесть. Как-то легко в голове прояснилась эта мысль. Для начала нужно поесть.

Холодный кофе и клубника меня мало интересовали. Но вот сэндвичи были хороши.

Я принялась поглощать их, но не потому, что была голодна, а просто для того, чтобы окончательно не ослабнуть. Силы мне ещё пригодятся. Даже для того, чтобы вздёрнуться. Но это на совсем крайний случай. Если прям хуже некуда.

Хотя и сама перспектива суицида не сильно меня прельщала, больше всего пугало, что будет больно, когда петля начнёт стягивать шею. Где-то читала, что когда вешаются, можно и обмочиться, да и язык сильно выпирает, но не это самое страшное. Самое страшное – это то, что когда поймёшь, как опрометчиво и глупо ты поступила, то будет уже поздно, самой попросту не выбраться.

Господи, какая же я дура! Вместо того, чтобы думать о решении проблемы, я планирую, как от неё самоустраниться таким постыдным способом. Получается, что столько лет

жила, училась, ждала любимого, мечтала о семье, детях и всё зря? Участь моя столь нелепа, что единственный её смысл заключается в смерти?

И всё из-за кого? Из-за старой похотливой свиньи... Ну уж нет, так легко я ему не дам. Эта тварь ещё получит своё. Пусть только попробует ко мне прикоснуться. Пусть это будет последнее, что я сделаю в жизни, но и ему это аукнется.

Я сидела за столом перебирая одни и те же мысли, как вдруг обратила внимание, что полоса света под дверью заметно затемнилась. Там кто-то стоял. И поскольку тень не шевелилась, то этот некто ещё и прислушивался.

Неужели он вернулся пораньше, не желая дожидаться вечера?!!! Нет, нет, только не это. Пожалуйста, нет! Не столько страх, сколько гнев овладел мною. Ишь ты, какой нетерпеливый, поскорее решил утолить свою похоть. Ну уж нет.

Я вскочила из-за стола, оглянулась и, заметив подходящий вариант, неслышно бросилась в угол комнаты. Там стоял высокий великолепный торшер. С массивным таким стеклянным набалдашником. Идеально.

Я взяла его в руку, как битую – тяжёлый, но адреналин помогал мне – и так же на цыпочках вернулась к двери. Встала сбоку от входа. Затаилась.

Ключ в двери начал осторожно поворачиваться. Сердце моё забило сильнее. Я крепче вцепилась в торшер. Приготовилась.

Ещё один поворот, замок открыт. Дверь начала потихонь-

ку открываться. Чё он медлит? Что задумал? Решил взять меня исподтишка? Внезапно?!

Страх мощным кольцом стянул моё тело, я буквально задышалась от нехватки воздуха.

Наконец, он начал входить и я, понимая, что это мой последний шанс, со всей силы ударила торшером в направлении его головы.

Стекланный набалдашник громким хлопком разлетелся вдребезги.

Он сдавленно ухнул и упал на колени, схватившись за лицо.

И... и... это был не он! Это был не мой крёстный!!! Какой-то парень. Которому я чётко и однозначно сильно попала в лицо. Сквозь пальцы просочилась кровь. Ух!

Плевать! Я бросилась вон из комнаты. Инстинкт самосохранения не оставлял мне никакого шанса на размышления, сострадание, помощь другому: единственный и внятный его приказ был прост – беги! И я побежала. Но едва перемахнув порог правой ногой, я почувствовала, как парень крепко ухватил меня за левую ногу, чуть выше ступни. И поскольку вес тела я уже перенесла, то, конечно упала, больно ударившись об пол.

Побег был скоротечен и безрезультатен.

Меня тут же поволокли обратно в комнату, я пыталась уцепиться хоть за что-нибудь, но тщетно – цепляться в коридоре было попросту не за что. Я ухватилась за косяк две-

ри, но он одной рукой – ух и сильный, видать – уверенно возвращал меня обратно.

– Помогите! – крикнула я, что есть мочи в коридор.

Но тут же, как это было уже утром, мне заткнули рот, окончательно затащили в комнату и прямо передо мной закрыли дверь. На ключ. Я беспомощно опустила лицо в пол.

* * *

– Вставай, – услышала я ровный, но властный голос.

Я подняла голову, кое-как неуклюже встала на колени и развернулась, оставшись сидеть на полу. Невольно крепче поправила полотенце. Странно, что после всех этих телодвижений оно до сих пор на мне.

В кресле, возле моего слегка попорченного завтрака, сидел парень, прикрывая часть лица окровавленной салфеткой. У него было определённо хорошее телосложение, видно было, что он следит за собой и своим телом. Под рубашкой был заметен хороший рельеф, крепкие руки. Брюнет. С большими тёмными глазами и привлекательными чертами лица. Одет был не броско, но стильно.

– Ты кто? – спросил он, продолжая промокать салфеткой слегка кровоточащую расшибленную бровь.

– Кристина, – ответила я, не зная, как ещё себя представить.

– И что ты здесь делаешь, Кристина? Ты шлюха?

Краской стыда или возмущения заволокло мне лицо.

– Нет – твёрдо сказала я, глядя на него с вызовом, как кошка, загнанная в угол стаей собак.

– Тогда кто ты? Почему отец держит тебя здесь на замке?

Отец?! Я не знала, что у дяди Жоры есть дети. Столько лет он утаивал. А ведь парень практически моего возраста, хотя нет, чуть постарше.

– Может быть тебе лучше спросить у него, – неприязненно ответила я.

Хотя грубить, наверно, не стоит. Может это мой шанс на спасение. Вдруг он адекватный, поговорит с папочкой и они отпустят меня. Но я была так зла и запугана, что здравые мысли сейчас не были моим коньком.

Он усмехнулся.

– Дерзкая, да? Мне нравится. Вы уже трахались?

– Нет ещё, – буркнула я.

– Ещё? Интересно. А зачем же ты пришла сюда?

– Он выиграл меня в карты.

– Аааа... ну это многое объясняет. Так, ну сама бы ты вряд ли с ним играла. Значит тебя *кто-то* проиграл. Интересно. Не думал, что ещё что-то может меня удивить в современном мире. Ан нет, вот вам, пожалуйста. Каким нужно быть ничтожеством, чтобы играть в карты на человека. И какой нужно быть мразью, чтобы играть на тебя – ты вроде из приличных, не наркоманка, не алкашка. Кто это был? Парень твой? Муж?

– Отец...

– Ну и дела. Да что ж оно никак не остановится, – возмутился он, меняя салфетку к кровоточащей брови, – судя по тому, как ты меня встретила, тебя не очень радует такое положение вещей.

– Вообще не радует, – тихо ответила я.

И он замолчал. Просто сидел и молча меня разглядывал – такую беззащитную, запуганную, закутанную всего лишь в полотенце, беспомощно сидящую на полу в комнате его дома.

Добычу его отца.

Мы могли бы учиться с ним в институте на одном курсе или познакомиться на дне рождения у какой-нибудь моей подруги. Могли бы там весело болтать, а потом может прогуляться по набережной или прокатиться по вечерней Москве. Мы были бы с ним на равных правах или даже я бы ещё может покапризничала, а он бы старался завоевать моё расположение. Мы могли встретиться в клубе или на какой-нибудь конференции, как обычные люди, в обычных условиях, как самые обычные парень и девушка, мы могли бы... Но всё это было в другой реальности. Не в этой. Здесь я была от него зависима, я была практически в полном его подчинении... Разве то, что принадлежит отцу – не принадлежит и его сыну, по праву наследования? Я была почти голая у его ног. В прямом смысле слова.

И вдруг... мне стало так горько и обидно... как-то всё ра-

зом навалилось на меня – все события последних суток... и предательство отца и унижения от Жоры... я почувствовала себя маленькой хрупкой и слабой девочкой, за которую абсолютно некому было заступиться... мне вдруг невыносимо сильно захотелось, чтобы этот незнакомый парень помог мне. Ведь, в сущности, он необязательно должен быть похож на своего мерзкого папашу. Мне кажется в нём есть что-то благородное... И он мог бы защитить меня. Почему нет? Я почувствовала к нему какое-то расположение, доверие. Мои губы едва сдерживались, чтобы предательски не зашептать – пожалуйста, спаси меня. Спаси.

И я так поверила в него, так беззаветно прониклась этой надеждой, что от эмоционального накала глаза мои сами по себе увлажнились и слеза стекла по щеке.

– Нууууу... – успокаивающе протянул он. – Не надо слёз, дурёха. Такая отважная – вон как меня торшером угадала – и вдруг плачешь.

– Извини, я думала это он, – сказала я и ещё пуще прежнего постыдно разрыдалась.

Он встал, взял со столика салфетку, подошёл ко мне и опустился на колени. Убрал мою руку от зарёванного лица и несколько раз салфеткой промокнул мои глаза.

– А ты красивая, – заметил он.

Я увидела его совсем близко. А всё-таки знатно я разбила ему бровь.

И вдруг я почувствовала к нему такое непреодолимое вле-

чение, какая-то волна обдала меня с ног до головы, сердце сжала какая-то неизвестная ранее тоска... мне так сильно захотелось, чтобы он обнял меня, прижал к себе, взял на руки и унёс подальше от этого дома и её ужасного хозяина, что я почти сама обняла его.

Но он поднялся. Выпрямился.

– Ладно, мне пора.

Что???!!!! Мысли роем закружились в моей голове.

– Разве ты мне не поможешь? – тихо-тихо выдавила я.

Он посмотрел на меня, как на дурочку.

– Забрать у отца его трофей?! Да ты представляешь, что он с нами сделает? С тобой-то ладно. А у нас с ним совместная компания, там же миллиардные обороты. Потерять это всё из-за абсолютно незнакомой мне малолеточки? Хоть и бесспорно красивой. Прости, дорогая, но нет. Неравноценный бартер.

Каждое его слово режущей болью отзывалось в моём сознании, но... винить его я почему-то не могла... я как будто невольно подыгрывала ему, подсознательно принимая логичность его доводов. Слова он говорил жёсткие, страшные для меня. Но я хотела его слушать. Господи, да что со мной.

– Я понимаю, – снова тихо сказала я. – Как тебя зовут?

– Давид. Ну, давай поднимайся.

Он протянул мне руку – ту самую крепкую сильную руку, которой затащил меня обратно в этот ад – и помог подняться. Я стояла перед ним опустив голову.

Он слегка встряхнул меня так, чтобы я посмотрела в его глаза – в его глубокие тёмные глаза.

– Тебя наверно интересуется – почему я затащил тебя обратно в эту комнату, когда ты пыталась убежать?

– Да.

– Потому что я мыслю аналитически. Ну вот выбежала бы ты и что? Внизу тебя всё равно перехватила бы охрана. Отец был бы в бешенстве и жестоко наказал бы тебя. Он люто не выносит, когда идут против его слова. Уж я-то его знаю, поверь мне. Тиран! – гордо произнёс Давид. – Здесь нужно по-другому. Ну пока!

Он слегка притянул меня к себе, аккуратно поцеловал в лоб и вышел.

Ключ в замке снова запечатал эту чёртову дверь.

По-другому... зачем он это сказал? Неужели он всё-таки мне поможет. Но как? Давид... Давид – какое красивое имя. Давид и Голиаф – почему-то вспомнилось мне.

Я снова упала на постель, бессмысленно уставившись в потолок. Несмотря на то, что вечерняя угроза никуда не исчезла – мысли мои вновь и вновь возвращались к Давиду.

Ничего же толком не сказал он, ничего не сделал... почему я думаю о нём. Загадка.

Глава 5

В три часа дня замок моей двери снова ожил. Какой-то пожилой мужчина невыразительной наружности принёс мне обед. Я пыталась с ним заговорить, но тщетно.

Он меня полностью игнорировал. Видимо, на этот счёт у него были строгие инструкции.

На подносе дымился ароматный бульон, на второе была телятина с овощами и, ко всему прочему, на подносе была записка.

Не ожидая ничего хорошего, я развернула её.

«Крошка Тина, спешу поскорее закончить все дела, чтобы испить, наконец, сок из твоей девственной малышки. Твой Жора.» Тварь. Тварь! Тварь! Тварь!!!

Обед был безнадёжно испорчен. Невозможно есть, когда на тебя волнами накатывают приступы отвращения.

Мерзкая свинья! – думала я. – Никогда, слышишь, никогда я не отдамся тебе, только через мой труп.

С каждым часом неизбежно меркла и надежда на Давида. Не станет он рисковать своим благополучием ради какой-то дурочки. У богатых мышление заточено по-другому. Любовь, сострадание, нежность... всё это для них ничтожно по сравнению с успехом, амбициями и большими деньгами. Сердце для них подспорье, а не враг разума.

Да и какое сердце, боже мой, какая же я дура... кто я для него?

Очередная шлюшка его отца. Наверняка он ни на йоту мне не поверил.

А, между тем, дело близилось к вечеру.

Я судорожно размышляла – что мне делать... Побег невозможен. Всё же убить себя? Я слишком слаба для этого. Убить крёстного? Я ещё слабее... я могу сопротивляться, кусаться, орать... но убить. Едва ли. Впрочем, я могла обезобразить себя, чтобы он утратил ко мне интерес.

Но мне потом жить с этим... Жить всю жизнь уродиной, чтобы каждый раз перед зеркалом вспоминать об этом старом ублюдке? Ну нет, дядя, это слишком дорогая цена.

Я была в полнейшем ступоре, несколько раз порыдала... но облегчения это не принесло.

За окном окончательно исчезло солнце, во дворе включились фонари. Особняк готовился к своему привычному вечеру, чего уже никак нельзя было сказать обо мне. Это вечер меньше всего обещал быть привычным... скорее трагичным, почему-то подумалось мне.

Ключ!

Этот металлический шум замка моей двери, уверена, навсегда останется в моей памяти и будет сниться мне в кошмарах при каждом удобном случае. Каждый раз, когда в жизнь мою будет врываться тревожность, страх или пугающая неопределённость – лейтмотивом этих эмоций будет по-

ворот этого проклятого ключа. Но это будет когда-нибудь потом, а сейчас...

Ключ открывал замок.

Я как раз закончила поздний обед и в руке моей угрожающе обжилась вилка. Слабое, конечно, подспорье, но всё же. Пусть только подойдёт на расстояние вытянутой руки.

Я напряглась, смирившись перед неизбежным. Будь что будет. Как бы то ни было, дёшево я себя не продам. Буду биться до последнего.

В комнате был вечерний полумрак, свет я не включала. В коридоре же, наоборот, было достаточно светло, поэтому когда он вошёл, то в проходе я увидела только силуэт.

– Какая интимная обстановка.

Давид!

Неужели он всё-таки спасёт меня?! Сердце так бешено забилось, что мне снова стало не хватать воздуха.

– Ты за мной? – отчаянно вырвалось у меня.

– Нет, конечно, – ответил он так, как будто я спросила откровенную чушь. Типа – а правда, что Земля плоская?

Но даже его ответ, окончательно убивший мою надежду, не был для меня таким страшным, каким должен быть по сути. Как ему это удаётся... Но, если не спасти, зачем тогда он вернулся?

Давид зашёл в комнату, закрыл за собой дверь, на ключ. И, не включая света, подошёл к столику, за которым я сидела. Он сел в соседнее кресло так, что я могла чувствовать запах

его едва уловимого, но приятно будоражащего парфюма.

– Я не за тобой, – продолжил он, глядя в окно. – А ради тебя. Не знаю почему, но я тебе верю. Я бы ещё усомнился, что в наше время в Москве можно вот так просто проиграть человека в карты, но я охотно верю тому, что это вышло у моего отца. Я слишком хорошо его знаю и довольно давно – всю свою сознательную жизнь. У него нет никаких принципов. Он хозяин по жизни. Нравится что-то – берёт! Несмотря ни на что.

Я жадно ловила каждое слово Давида. Он так спокойно рассуждал, как будто это касалось какого-то героя из фильма, как будто кому-то там угрожала опасность, а не меня собирались изнасиловать сегодня вечером.

– Ну и? Что ты придумала? Что ты решила делать? Расслабиться и получить удовольствие? – нахально спросил он.

Я гневно посмотрела на него, но он даже не повернулся в мою сторону, как будто наперёд знал – как яотреагирую.

– Да шучу я, шучу, – теперь уже повернулся ко мне. – И всё же?

– Я не знаю. Буду отбиваться до последнего.

– Напрасно. Он сильнее тебя. Поэтому борьба будет недолгой и, увы, не в твою пользу.

– А что? Что мне делать?

Давид выдержал паузу, чтобы я максимально сконцентрировалась.

– То, что нельзя решить силой, всегда можно одолеть хит-

ростью, – наконец, спокойно произнёс он. – Давай сделаем так. Когда придёт отец – будь к нему внимательна.

– Чтооо? Ты в своём уме? – запротестовала я.

– Да помолчи ты. Дослушай. Будь к нему внимательна и нежна. Сведи разговор к тому, что ты совсем не против раствориться в его объятиях. Но тебе бы очень хотелось, чтобы это было красиво, хоть немного по любви. Всё-таки он у тебя первый. И секс у тебя будет первым. Для тебя, мол, это важно...

– Меня сейчас стошнит.

Давид резко встал.

– Дура!

А он горяч.

– Будь и дальше прямо и верна своим принципам. Живи здесь ещё месяцы, пока он не превратит твоё тело в изношенное подобие уличной шлюхи. А потом выкинет на хер отсюда пинком под зад. Кому ты потом нужна будешь такая? Господи, зачем я сюда пришёл, только напрасно расходую время.

И направился к выходу.

Кровь ударила мне в голову. Я кинулась за ним.

– Давид, подожди! Не уходи. Прости, я действительно дура. Пожалуйста, останься. Я прошу тебя, Давид. Рассказывай дальше, не бросай, – мольбы перешли в рыдания.

Он смягчился. Развернулся ко мне и твёрдо сказал:

– Ладно, но на будущее учти: ещё раз меня перебеёшь –

ноги моей здесь больше не будет.

– Прости, прости, прости...

– В общем, твоя задача – усыпить его бдительность. Мол, вам нужно поближе познакомиться. Он тебе тоже очень симпатичен, но ты ещё не готова к близости. Он для тебя всё ещё крёстный, а не мужчина, к которому у тебя могло быть влечение. Тебе просто нужно немного времени, чтобы перестроиться. Ты почти готова, но не до конца. Ещё совсем немного и ты будешь ласкова к нему и нежна не потому, что он так хочет, а потому что этого хочешь ты, по-настоящему. Поняла?

– Да. – я впитывала каждое его слово. – А что потом?

Он задумался.

– Пока не знаю. Но я решу этот вопрос. Он тебя пальцем не тронет. Нам нужно просто выиграть немного времени. Вопросы?

– Нет, никаких. Спасибо тебе.

– Ну тогда хорошего вечера, – ухмыльнулся Давид.

В полумраке комнаты он был едва различим, но я чувствовала, как он смотрит на меня. Мы были так близко друг от друга, что я чувствовала тепло его дыхания. И мне нравилось дышать с ним в унисон. Он, едва касаясь, провёл рукой по моей щеке. Мурашки пробежали у меня по коже.

– Не бойсь, малая, всё будет хорошо.

И вышел.

Сквозь закрытую дверь я услышала где-то там в отдалении

его голос «Добрый вечер, отец!»

Глава 6

И снова страх сковал моё тело. Но теперь у меня появилась надежда.

Теперь был план – реальный план, который мог хотя бы на этот вечер отвести от меня опасность. Даже если всего на один вечер угроза отступит – это уже будет победа. Маленькая, но победа!

Я собралась. И попыталась расслабиться. Хотя какое там – расслабиться, нужно же переодеться! Я схватила рюкзак со шмотками и бросилась в ванную.

Между тем, ожил дверной замок.

Я слышала, как он вошёл, включил свет.

– Минутку, я ванной, – прокричала я, переодеваясь.

У меня была белая маечка, сложенная так, что помяться ей было просто невозможно и джинсовая юбка. Для романтического вечера, конечно, такое себе одеяние, но пусть будет рад и этому. Выбора у меня не было.

Я переоделась, вышла из ванной и постаралась изобразить улыбку.

Жора по-хозяйски сидел в кресле, и по его лицу я поняла, что ему приятно видеть меня в юбке. Он удовлетворённо осмотрел меня несколько раз – снизу вверх.

В ней я была типичная Лолита.

На столе расположился поднос с каким-то дорогим вином и фруктами.

Он улыбнулся.

– Добрый вечер, принцесса. Заждалась?

– Да, – старалась быть я как можно естественней.

– Вот как? – удивился дядя Жора. – Приятно слышать.

Значит сделала правильные выводы? Хорошо. Я думал – опять с тобой воевать придётся. А зачем? Мы же не чужие люди. Меньше всего я хотел бы причинить тебе зло.

Он похлопал по второму креслу так, как приглашают кошку запрыгнуть куда-либо.

– Подойди, – не пригласил, а мягко скомандовал он. – Ты же уже пила когда-нибудь алкоголь?

Я подошла, робко присела рядом, за столик, стараясь не смотреть Жоре в глаза. Но надо было смотреть, нужна была убедительная расположенность к нему и заинтересованность в нём.

– Пила. Но не крепкое, – и открыто посмотрела ему в глаза.

Он разлил вино по бокалам. Один протянул мне.

– Ну, за прекрасный вечер, – провозгласил он, мы чокнулись и он залпом осушил весь бокал. – Ух, хорошо!

Я тоже пригубила немного вина.

– Повторим, детка?

– Попозже.

– Согласен, времени у нас предостаточно. Никто ж никуда

не торопится, – он усмехнулся.

Затем Жора встал, отодвинул штору у окна, что-то там нажал и по комнате полилась приятная музыка. Я же, наоборот, напряглась.

Он обошёл меня сзади. Наклонился, положил руки мне на верхнюю часть груди и, смердя табаком, алкоголем и ещё непонятно чем, прошептал на ухо:

– А теперь пора в кроватку. Ты чувствуешь его?

И прижался к моему плечу. Я почувствовала, как что-то твёрдое надавило мне на руку.

И снова приступ тошноты чуть не выдал меня, но... я сдержалась.

– Дяд... Жора! – попробовала я нащупать это новое для меня обращение. – Я не хочу так.

– А мне по хуй, моя дорогая – что хочешь ты, главное здесь – что хочу я, – вмиг изменился он, видимо, вспомнив утро.

– Нет, ты не понял, – постаралась я не упустить ситуацию из-под контроля. – Я хочу, чтобы мы... сделали это. Ноооо...

Он вернулся к своему креслу, присел, лицо его смягчилось, и подозрительность во взгляде сменилась на интерес:

– Нооо... продолжай, девочка.

– Но я хочу... эммм... хотеть тебя. Понимаешь? Я хочу увлажняться от одной только мысли о тебе. Я хочу считать минуты, когда ты придёшь, хочу ловить каждое движение в коридоре, мечтая, чтобы это был ты. Хочу чувствовать твои

руки и не только – постоянно! С жаром, с трепетом.

Я старалась как можно ласковее смотреть ему в глаза... в эти мерзкие свинные, заплывшие жиром глаза. И даже положила свою руку поверх его.

Своим поведением и речью я, видимо, озадачила его. Вот уж действительно разительная перемена после ледяного утреннего приёма.

– Прекрасно тебя понимаю, детка, – он тщательно обдумывал, что я от него хочу. – Ты хочешь, чтобы я хорошенько тебя разогрел? – и второй рукой накрыл мою.

Я даже не стала это представлять, чтобы не выдать себя.

– Нет, не совсем так, я хочу, чтобы между нами установилась связь. Утром я испугалась. Но ты мне нравишься. Я знаю тебя с детства, и ты всегда был для меня олицетворением настоящего мужчины. Я просто хочу узнать тебя поближе.

– Когда я буду в тебе – куда уж ближе? – похабно рассмеялся он.

Я кисло улыбнулась в ответ.

– Нет, пойми, я хочу, чтобы ты немного поухаживал за мной. Мне чуть-чуть не хватает до возбуждения от тебя. Ну неужели я так много прошу?

Он задумался, внимательно разглядывая меня. Видно было, что этот человек не привык медлить и подобный поворот вечера никак не входил в его планы. Достал сигарету, закурил, снова глядя мне в глаза. Сканировал. Прикидывал.

Я как могла ласково и выжидающе держала его взгляд, пы-

таясь сохранять приветливую улыбку.

– Допустим, – наконец, выдавил он.

Волна облегчения накрыла меня.

– Только ухаживал я в последний раз очень давно, отвык, – начал он медленно рассуждать, чеканя каждое слово. – В кино я тебя не поведу, в ресторан тоже. И на море мы с тобой не поедem. По крайней мере, на данном этапе. И что мне остаётся делать? Как устанавливать эту связь? Тупо дарить тебе подарки, вместе смотреть телевизор и ужинать в этой комнате, разговаривая о чём-то возвышенном?

Закончил он и вперил в меня взгляд своими пронизывающими бегающими глазами.

Я стушеввалась. Откровенно говоря, я и сама не понимала – как при таком раскладе может сложиться наш конфетно-букетный период. И моё смятение не осталось незамеченным.

– Вооот, – довольно закивал Жора, безошибочно читающий по лицам. – Не получается да, Тиночка? Так зачем усложнять себе жизнь? – он резко встал, подошёл ко мне, поднял за талию и как щенка бросил на постель.

И пока я приходила в себя от внезапной перемены, он выключил в комнате свет, оставив гореть только разбитый торшер в углу. А сам бросился ко мне и навалился сверху.

– Нет, отпусти, – тут же собралась я и начала отбиваться. Но тщетно.

Своими лапищами он мял моё нежное тело, пытаюсь це-

ловать меня. Я всячески отворачивала от него лицо. А он как мог пытался подмять меня под себя. Я била его по лицу, по голове. Но всё это было пародией на сопротивление – силы были явно неравны.

Когда ему вконец осточертело моё сопротивление, он просто наотмашь ударил меня по лицу. Боль и сила удара сломили моё сознание. Я была словно в тумане. Никто никогда не бил меня. Из носа пошла кровь.

– О, первая кровь, – плотоядно обрадовался Жора, – сейчас будет и вторая! Только чуть ниже.

Он буквально содрал с меня майку, оголив грудь, и выкинул её в угол. Я всё ещё пыталась вяло брыкаться. Затем он, шумно пыхтя, грубо стянул с меня юбку вместе с трусами, и они тоже улетели в сторону.

Я лежала перед ним абсолютно нагая. Болело лицо. Рыдала душа.

– Дааааа, – сладострастно прорычал он, любуясь моим гладко выбритым, невинным лобком.

Я как могла пыталась свести ноги. Но он своими коленями властно раздвинул их.

Затем опустил свою правую руку мне на вагину и начал грубо тереть губки, покрывая своими сальными поцелуями мои груди.

– Какая же она у тебя нежная, горячая... бля, я ща кончу в штаны.

Мне было страшно, омерзительно, в конце концов, боль-

но.

Первый секс не должен был быть таким и я всё ещё пыталась отбиться, хотя, конечно, выглядело это всё совершенно бессмысленно. Я дёрнула тазом из стороны в сторону, чтобы хоть как-то сбросить его потную ладонь, я просто не могла окончательно подчиниться, когда эта обезьяна похабно мяла меня там, внизу живота.

И тогда он одной рукой зафиксировал мои руки, хотя я и так уже была почти обессилена, а другой рукой стянул с себя штаны. И снова вернулся на прежнюю позицию – надо мной.

Он ухватил меня за волосы и поднял мою голову:

– Посмотри-ка, сколько удовольствия тебя ждёт.

С ужасом я увидела его небольшой, но достаточно твёрдый тёмный член, утопающий в чёрных кудрях волос, с каплей смазки, стекающей по головке. Только не это!!!

– Как же сейчас тебе будет хорошо, дура. Потом и не оттянешь тебя.

И он начал примеривать его ко мне. Я чувствовала, как скользит его головка по коже внутри бёдер, по лобку, ещё немного и он попадёт – воткнёт его.

Уже даже не страх, и не отчаяние охватили меня – настоящая паника. Если бы у меня в руке был нож – я бы наверняка убила его, не задумываясь. Меня бил озноб.

Всё-таки высвободив одну руку, я продолжала бессмысленно и довольно слабо стегать его по лицу, но ему было всё равно – наоборот, казалось, его сейчас это только раззадори-

вает.

Единственное, что занимало его сейчас по-настоящему – это то, как всадить в меня свой мерзкий член. Это была его идея-фикс, к осуществлению которой он был близок, как никогда. Трахнуть девочку, которая нравилась ему с детства, которая выросла, стала красивой и сексуальной, да к тому же в полной его власти... что могло возбуждать его сейчас больше?

Тело моё ходило ходуном, поэтому для него это была непростая задача.

Стало очевидно, что его начинает это раздражать. Тогда он просто навалился на меня всем своим весом – а весил он ого-го – прижал к постели своим животом и буквально парализовал мои движения... я чувствовала немыслимое омерзение от прикосновения его голого живота к моему обнажённому телу.

Он снова начал целовать меня, пытаясь засунуть язык мне в рот. И, при этом, направляя рукой свой член, продолжал на ощупь пытаться вставить его в меня. Не такая простая задача для мужчины его комплекции.

И в тот момент, когда я почувствовала его головку на входе в моё многострадальное лоно и лишь одно крошечное усилие отделяло его от того, чтобы, наконец, войти в меня – произошло нечто странное.

Я услышала глухой удар, увидела, как глаза дядя Жоры затуманились и он обмяк на мне, перестав подавать хоть ка-

кие-то признаки жизни.

Когда его голова беспомощна упала мне на грудь, я увидел за ней Давида!

В руке у него была увесистая статуэтка с полки. Взгляд был решительный и жёсткий.

– Успел? – совершенно спокойно спросил он.

– Успел... – выдавила я из-под огромного голого крестного.

Давид подошёл к нему и, казалось, без особого усилия скинул отца с меня.

Я лежала перед ним совершенно голая, с раздвинутыми ногами... После всего пережитого силы разом покинули меня и я, даже понимая всю пикантность ситуации, никак не могла напрячься, чтобы хоть как-то прикрыться. Ноги попросту свело судорогой.

Он невозмутимо с интересом разглядывал меня.

– Красивая. И соски такие аккуратные, но видно, что чувственные. Ты так быстро дышишь... испугалась или возбуждалась, увидев меня? – попытался он смягчить ситуацию.

Он разглядывал меня. Это парень, с которым я познакомилась только утром. Он видел меня такой, какой до этого не видел ни один мужчина.

Я неотрывно, всё ещё в состоянии шока, смотрела ему в глаза. Я видела, как взгляд его с азартом держался на груди, пока я рукой вяло не прикрыла её, а потом стал плавно опускаться вниз.

Всё ниже и ниже. Он остановился в районе моего лобка. Я попробовала сжать ноги, но их словно заклинило. Этот жирный ублюдок передал мне все мышцы.

– И это произведение искусства мой отец хотел опорожнить? Каков наглец. Ты посмотри как интересно сходятся линии, какие складочки...

От его слов и беспардонного разглядывания самого дорогого, что у меня было, я вдруг почувствовала какое-то внезапно обрушившиеся неизведанное мне ранее томление – как раз там, где он смотрел. Какое-то очень странное ощущение.

– Да ладно? – бровь его приподнялась.

Он присел рядом и двумя пальцами провёл по моей промежности снизу вверх, не сильно погрузив их внутрь. Буквально по краю. Сладкая истома пронзила моё тело, я даже зажмурилась и не произвольно выгнулась ему чуть-чуть навстречу.

– Ммм... да ты влажная! – достал он пальцы, посмотрел на них и погрузил себе в рот. – Отлично.

Чтооо????!!! Влажная????!!! Да какого чёрта? С чего вдруг?! Что он о себе возомнил? Может это была какая-то неведомая реакция организма на перенесённый стресс?

Мне вдруг отчаянно захотелось, чтобы он ещё раз провёл по ней пальцами.

Но он заботливо накрыл меня пледом и принялся рассматривать поверженного отца.

– Тааак. И что же теперь делать?

Глава 7

У меня не было никаких мыслей и уж тем более идей.

Давид тоже молча стоял и смотрел на него. Нужно было что-то предпринимать. Взгляд у него был серьёзный и сосредоточенный.

Если бы у меня даже и были мысли – я бы не рискнула нарушить его размышления. Да и какие у меня могли бы быть мысли, не зная толком ни отца, ни сына, ни правил этого дома. Кто я такая? Девочка на птичьих правах, которую только что чуть не изнасиловали. Единственной моей мыслью было – как бы поскорее убраться отсюда.

– Ладно, – сказал Давид, видимо, приняв какое-то решение. – В конце концов, это моя проблема. А тебе нужно прийти в себя.

Он наклонился к отцу, натянул на него штаны. Взял его под руки и аккуратно выволок в коридор. Дверь за ними закрылась. Ключ привычно отчеканил мой плен.

Наконец, я осталась одна.

По-прежнему абсолютно обнажённая я лежала в постели и хотя силы ко мне уже вернулись, двигаться вовсе не хотелось... Плед прикрывал меня и то ладно.

В полумраке разбитого торшера я лежала и думала.

Но вовсе не о том, как меня пытался изнасиловать дядя

Жора – всё это казалось уже не таким существенным. Как легко перестают волновать трудности, как только они решаются, даже если ненадолго. Нет проблемы – нет напряжения. Поэтому Жора сейчас был для меня далеко. А вот его сын... Да, я думала о Давиде.

Вспоминала, как он меня рассматривал. Как его взгляд скользил по моему телу, как горели его глаза.

Я много раз видела как мужчины смотрят с вожделением – не всегда это приятно, не всегда это уместно. Но вожделение неподвластно контролю, оно возникает само по себе, полностью поработывая сознание. В игру вступают более весомые и древние силы – инстинкты. Самец видит самку и тут возможны только два варианта развития событий – он её либо хочет, либо нет. Всё остальное для природы совершенно не важно.

И самке нужно быть совсем невнимательной, либо полной дурой, чтобы не отследить реакцию самца. Достаточно всего лишь его взгляда.

Давид тогда рассматривал меня с вожделением... Не с интересом, не с какими-либо другими эмоциями, а именно с похотью. Или мне это только показалось.

После потрясения моё воспалённое воображение могло придумывать какие угодно картины. Может быть это защитное свойство подсознания – пережитый страх перекрывать чем-то приятным. Типа моральной компенсации. Психологическая защита. Не знаю.

Да и не хотелось ничего думать, анализировать... хотелось чего-то приятного радостного.

Хотелось любви, внимания, нежности, ласки... Я вдруг вспомнила, что давно не влюблялась, да и влюблялась ли я вообще.

В школе мальчики обычно выглядят младше девочек, но все они зачастую какие-то были ущербные. По крайней мере, в моей школе. А вне её я нигде особо и не гуляла. Типичная домашняя девочка. Девочка, истосковавшаяся по любви, которой у неё никогда не было, но о которой она так много читала, смотрела и теоретически знала. Как Онегинская Татьяна... Конечно, за мной пытались ухаживать и не раз, но я все время чего-то боялась. Я словно сама себе выстроила какие-то рамки и принципы, которым слепо доверяла, которые, возможно, по какой-то, одной мне понятной договорённости, защищали меня от внешних невзгод.

И дальше поцелуев дело никогда не доходило.

А может и не боялась – просто чувствовала, что не моё...

С Давидом всё совсем по-другому. Мы даже толком не знакомы.

Но его глаза и взгляд, который они излучают, его голос – ровный, спокойный, но при этом жёсткий, властный. Он чётко знает, что хочет и как это получить. Его сегодняшняя забота, защита... В моих глазах он был олицетворением настоящего мужчины.

И это был первый мужчина, который видел меня обнажён-

ной, но от взгляда которого мне не было стыдно, страшно или противно, а, наоборот – хотелось, чтобы он и дальше рассматривал меня, хотелось, чтобы он ещё раз провёл своими пальцами по моей вагине, а может и погрузил бы их чуть поглубже... а может и не только пальцы...

Размышляя, я вдруг с удивлением заметила, что уже ласкаю себя и пальцы – на этот раз мои – поглаживают клитор. Мастурбация? Неужели я сама себя ублажаю... Это же грязь всё, пошлость... А плевать. Мне нужно было отвлечься от этого хаоса вокруг, мне нужно было хоть как-то порадовать себя пусть даже вымышленной реальностью. В конце концов, какая разница – фантазии это или всё по-настоящему, главное – как на это откликается моё тело, а ему определённо нравилось то, что сейчас происходит. Сладкая нега обволакивала каждую мою клеточку, одурманивая разум.

Я слегка отодвинула в сторону плед, почти полностью обнажившись, чтобы дать абсолютную свободу и руке, и телу – точно так, как это было, когда рядом сидел Давид.

Представляя Давида и что это его пальцы – я от лёгких и нежных поглаживаний невольно начала переходить к более интенсивным... мне хотелось яснее их чувствовать, а это было возможно только при плотной и динамичной стимуляции.

Я закрыла глаза, мне казалось, что поверженный дядя Жора всё ещё лежит возле кровати, а Давид, восхищённый моей наготой, проводит пальцами по краешкам моих интимных губ... он смотрит мне прямо в глаза и проводит ими там,

где, кроме меня никто никогда не хозяйничал. Проводит по краю, потом потихоньку вводит их глубже, ещё глубже, улыбаясь мне своей чарующей улыбкой и именно его пальцы я сейчас чувствую в себе. О, ещё как чувствую, я буквально насажена на них, я в абсолютной власти этих первых в моей жизни мужских прикосновений внутри меня. Я им верю, я им рада, я хочу их... Сука, как же я хочу их. Ещё, глубже, смелее. Тёплые, твёрдые, влажные в моих соках пальцы, которые совершенно точно знают – как себя вести внутри девушки. Где нужно поднажать, а где ослабить прикосновения... когда усилить движения, а когда замедлить...

Они живут во мне своей, неподвластной мне жизнью, словно, часть меня они совершенно точно знают – как мне сделать хорошо и делают так, меняя движения... то нырнут глубже, то надавят на стеночки, то поиграют немного с клитором.

Всё виртуознее и импульсивнее действуют эти пальцы, постепенно доводя меня до исступления. А он сидит и просто смотрит на меня. Он всё понимает. Он знает, что уже имеет надо мною власть. И беззастенчиво пользуется этой властью, получая нескрываемое удовольствие. Я же вижу его глаза и дьявольские огоньки, танцующие в них.

Мои силы на исходе, как же хочется полностью отдаться его прикосновениям, но при этом детские страхи сковывают мой изливающийся вулкан наслаждений. Но пальцы – пальцы знают своё дело и неизбежно приближают меня к кульми-

нации контакта, невзирая ни на что. Все тревоги, все страхи растворяются в этом дурманящем тумане манящего блаженства.

Я чувствую, как усиливается томление, как кровь приливает к моей и без того разгорячённой точке наслаждения. Я подмахиваю этим пальцам, всё глубже и глубже погружая их в себя. Я чувствую вплотную надвигающуюся бурю – первую в моей жизни бурю самоудовлетворения. Дави и ид. Он смотрит и продолжает это делать.

Сердце начинает биться всё сильнее и сильнее, по ногам проходят микроскопические судороги. Соски твердые, пальцы хлюпают в моих соках. Всё быстрее и быстрее, он перебирает ими, приближая неизбежное.

Лёгкий стон срывается с моих губ. Зажмурившись, я всё сильнее орудую пальцами вокруг разбухшего и жаждущего разрядки клитора... то погружая, то вынимая пальцы.

Финал уже близок. Совсем уже близок. Буквально секунда!

– Не помешаю?

Я в ужасе распахиваю глаза. Давид! Он просто стоял рядом с кроватью и смотрел, как я отчаянно себя удовлетворяю.

Я смотрела ему прямо в глаза... и... и уже не могла остановиться! Запущенный процесс был уже необратим. Наоборот, его присутствие в разы усилило возбуждение, и я кончила. Кончила! Глядя на него. В глаза! Со стоном, с максимальной

ной разрядкой... я просто смотрела ему в глаза и кончала, волна за волной... за столько лет мой организм так истосковался по заветному женскому счастью, что выжимал из этой разрядки по максимуму... я стонала, но не отводила взгляд, тупо смотрела ему в глаза – вся открытая перед ним, с разведёнными ногами, с пальцами в вагине – и кончала, раз за разом...

Никогда в моей жизни не было более сильных ощущений.

Никогда ещё я не испытывала такого всепоглощающего возбуждения и такого мощного оргазма. Это была кульминация эйфории... Это была кульминация всей моей недолгой жизни. Вновь обессиленная я откинула голову на подушку, слегка прикрывшись пледом.

– Я зашёл сказать, что с отцом всё в порядке, чтобы ты не волновалась... но, – он усмехнулся, – ты, видимо, особо и не переживала.

– Я... я... не знаю, что на меня нашло... в первый раз такое, – силясь унять нехватку дыхания, пыталась я подобрать слова.

– Ну да, ну да.. ты так ловко орудовала пальцами, что на дебют это было похоже меньше всего. Откровенно говоря, я сюда шёл с совсем другими мыслями, но в свете открывшихся обстоятельств... учитывая твой нереализованный потенциал... я придумал кое-что другое.

Давид по-хозяйски сел в кресло. Закурил. Налил себе вина из принесённой отцом бутылки. Не торопясь, сделал

несколько хороших глотков.

– Шикарное вино.

И снова приложился к бокалу, что-то обдумывая.

– Значит так, – начал он, – отец тебя пока не побеспокоит. Я обеспечу за ним должный медицинский уход и на какое-то время он выпадет из реальности. Спишем это потом на травму головы.

Сердце моё радостно забилося в предвкушении скорого освобождения. Неужели я скоро буду дома?

– Спасибо, Давид, ты человек! Большое спасибо, – я не могла подобрать нужных слов.

– С благодарностью пока повремени, это ещё не всё, – невозмутимо ровно продолжил он. – Я действительно шёл сюда, что отпустить тебя, но...

Господи, но что ещё? Я почувствовала, как в мою жизнь снова пробирается нечто тревожное и малоприятное. Но разве может Давид представлять для меня какую-то угрозу. Зачем он тогда спасал меня от отца.

–...нооо. Волею случая я стал свидетелем твоих грязных шалостей.

– Да каких шалостей? Я тебе клянусь, что это в первый раз со мной. Я не знаю, что на меня нашло...

– Не смей меня перебивать! – жёстко осадил он. – Так вот, я давно хотел сделать сайт в даркнете. Это такое тайное место в интернете, куда невозможно попасть легально. И на этом сайте выкладывать провокационные ролики на раз-

личные темы. В том числе и сексуальные. Единственное, чего мне для этого не хватало – это аппетитной сексуальной девственницы, с хорошими данными. И вот она кажется нашлась... – закончил он на мажорной ноте.

Что? Он хочет, чтобы я снималась в порно... Ну уж нет, тогда уж лучше дядя Жора. Пережить позор для одного человека легче, чем для огромной аудитории. Как я потом буду жить, работать, кто меня возьмёт замуж после такого прошлого? Долбаный извращенец.

– Ты шутишь? – сухо спросила я.

– Отнюдь.

– Я не буду сниматься в порно. Почему я? В интернете полно порнороликов различных жанров. Что тебе это даст?

– Понимаешь, – примирительно заговорил Давид, – это не будет типичное порно по шаблонному сценарию. Это будет целая история. История становления.

– Какого ещё становления?

– Превращение глупенькой девочки в опытную женщину. За семь дней я постараюсь научить тебя всему, раскрыть всё то лучшее, что есть в тебе и о чём ты пока не догадываешься. И за этой трансформацией будет наблюдать весь мир. Ну или, по крайней мере, часть его.

– Ты хочешь на этом много заработать?

Давид рассмеялся.

– Нет, конечно, денег мне хватает. Мне скучно. Хочется какую-то забаву. А то, что придумал я – мне кажется будет

весьма интересным.

Я смотрела на него с грустью и разочарованием. Как я могла так ошибиться? Интересно ему будет. А я?

– Давид, а что будет со мной?

– А что с тобой будет?

– Как я потом буду жить?

– Аааа, ты про это, – он улыбнулся. – Ты будешь в маске.

Никто никогда не узнает, что это была ты. Поверь мне, я тоже не собираюсь светить лицом. Репутация в мире бизнеса – крайне важная составляющая.

– Ты тоже будешь сниматься?

– Ну конечно, почему нет. Разве не интригует, когда твою страсть могут разделить ещё тысячи людей со всего мира. Разве не кайф полностью обнажить свой сокровенный мир, сохраняя при этом его внутреннюю целостность.

Осознание того, что и Давид будет принимать в этом участие предательски отозвалось томлением внизу живота. Но заниматься сексом у всех на виду, у тысячной армии извращенцев, зная, что они сейчас глядя на тебя усиленно онанируют – ну уж нет, избавьте!

– Я пас, – коротко сказала я. – Я просто не смогу, это выше моих сил. В конце концов, это просто омерзительно.

Давид встал.

– Ну как знаешь. Тогда возвращаю тебе своего отца в полном здравии, целостности и сохранности. Забавляйтесь, пока ему не наскучит – месяц-два. Может ещё и родишь от

него. Помощи от меня, естественно, не жди. Зачем мне рисковать своим благополучием ради тебя, если ты не хочешь рискнуть, ради меня?

Он порывисто подошёл и сел на кровать.

– Послушай меня, Кристинка, это всего лишь на недельку. Я просто хочу опробовать этот формат. Может он вообще не пойдёт, и я всего лишь себе идеализировал этот спорный проект. Я бы мог взять кого-то со стороны, но тогда я рискую, что девушка с улицы обнародует мою личность. А ты... ты не такая, меньше всего тебе захочется афишировать в этом своё участие. И да, по окончании всего я тебе ещё и хорошенько заплачу. Съедешь от своего папаши в отдельную квартиру, начнёшь взрослую счастливую жизнь.

– Ты разговариваешь со мной, как с проституткой, – слёзы выступили у меня на глазах.

Он встал.

– Дело твоё, – холодно сказал Давид, – либо месяцы курканий с отцом, либо неделя в проекте и ты свободна. Решай сама. Завтра жду от тебя ответ. Спокойной ночи.

Давид вышел. Дверь замкнулась.

Участь моя была незавидна – стать сексуальной рабыней либо отца, либо сына...

И что самое пугающее и фатальное было для меня – так это то, что сын мне нравился.

Глава 8

Я пыталась заснуть, но сон не шёл... Слишком много всего сплелось в сегодняшнем дне – и утро с дядей Жорой, и появление Давида, и нападение Жоры, и спасение Давидом, и... стыдно было вспомнить мои ласки на глазах у этого странного парня и его извращённое предложение.

Буквально сутки назад в это время я готовилась ко сну у себя в комнате – жизнь моя была размеренна, предрешена и совершенно прозрачна на несколько лет вперёд: учёба в университете, лето за рубежом, общение со сверстниками. Всё было под полным контролем и ничто не угрожало этой само собой выстроенной программе моего существования. От меня требовалось просто жить и радоваться, да хорошо учиться.

И вдруг одно неверное движение, обычные посиделки, которых в нашей квартире было великое множество, одно случайно брошенное слово, усмешка судьбы и я в другом доме, в другой жизни. И на выбор у меня – либо съёмки в порно, либо удовлетворение похоти старого борова. Как так могло получиться? Как?!

Всего лишь за пару часов решилось и в корне изменилось то, что было накоплено годами и планировалось на года вперёд. Какая невероятная подмена декораций и ролей.

Как можно было ставить меня на кон? Насколько нужно было быть уверенным в своей комбинации... Это должна была быть самая сильная и непоколебимая – абсолютный флешрояль из главных карт, а не его жалкое каре из валетов. Да и сама мысль – поставить на кон дочь... Это же естественно всем законам природы, и самому главному закону семьи – священному закону любви отца к дочери.

К чёрту его... пошло всё к чёрту. Что сделано, то сделано. Какой сейчас смысл об этом рассуждать? Нужно строить новую жизнь, свою собственную, в которой только я буду решать – что мне делать со мной и как.

Я должна бороться, я должна сделать выбор. И выбор очевиден.

Согласившись на условия Давида, я буду действовать во имя святой цели – своего спасения, во имя того, чтобы перечеркнуть свой прежний обветшавший мир и выстроить на его руинах нечто более прочное и совершенное. С таким подходом моя совесть и сны никогда не посмеют меня в чём-либо упрекнуть.

А, если остаться с Жорой, то это выльется в бесцельные, бессмысленные недолгие омерзительные утехи, результатом которых неизбежно станет смерть – моя или его. И что? Кому это нужно? Мне точно нет.

А значит решено. Неделю я как-нибудь выдержу. Получу свои деньги и прощай ненавистная Москва и ублюдские люди, смысл бытия которых – деньги, деньги, деньги... власть,

похоть и жратва. Ненавижу.

Спокойной ночи, Кристина.

И я заснула.

* * *

Утром меня разбудил уже «полюбившийся» лязг ключа.

Давид принёс завтрак. Спасибо, милый.

– Доброе утро, лежебока, – приветливо защebetал он.

Вот же дьявол во плоти. И как ему так удаётся – искусно перепрыгивать от любви к ненависти, от радости к раздражению, от похоти к презрению.

И в каждом состоянии он весьма органичен. Что ты за человек такой...

– Доброе, – хмуро ответила я. Не столько оттого, что мне неприятен был он, сколько оттого, что просто не выспалась. И, Господи, как же я не люблю, когда меня видят только-только спросонья. Я всё-таки леди, а леди прекрасны всегда, никто и никогда не должен видеть их в ином виде или состоянии.

– Ну что, – тут же перешёл к сути Давид, – ты подумала?

– Подумала.

– И каков будет вердикт?

– Мне всё это очень не нравится, я прям сильно против всего этого, ты долбаный извращенец.

– Да или нет? – невозмутимо уточнил он.

– Да... – выдохнула я.

– Отлично! – он заметно оживился. – Знаешь, я как-то особо и не сомневался в твоём здравомыслии. Но учти моя дорогая – всё будет серьёзно. Это мой проект и он будет точно таким, каким я его хочу видеть. Будешь проявлять строптивость или непослушание – верну тебя к папке. Но не к тебе.

– Я понимаю, – кажется меня уже сложно было чем-то удивить.

– Достойно выдержишь неделю – поедешь домой с достойной вил-карточкой. Будешь стараться – получишь и премию. Всё в твоих руках.

Он сел рядом на кровать. Сердце моё предательски заколыхалось.

– Я уверен, со временем ты распробуешь удовольствие от новых возможностей своего тела и души. И время, проведённое вместе, в дальнейшем будешь вспоминать с ностальгией.

Он говорил и при этом незаметно просунул руку мне под покрывало. Как только он коснулся рукой моего обнажённого бедра – я дёрнулась от неожиданности. Ног убрала.

– О нашем проекте будут говорить, на нас будут равняться, за нами будут повторять, – самозабвенно продолжал он и в этот раз его рука уверенно легла поверх моего бедра так, что убрать её в сторону я не могла.

– Убери руку, – буркнула я.

– Я не деспот и не садист. Я не причиню тебе зла, да и

мыслей у меня таких нет. Я просто знаю кое-то больше и лучше тебя. Я поведу тебя, как учитель нерадивого ученика.

Рука его медленно поползла выше. А я вчера перед сном так и не оделась.

Как бы он ни был мне сейчас противен своим предложением и разговорами, я не могла обмануть своё тело, которое тут же трепетно отозвалось на его поглаживание. Я понимала, что должна своей рукой просто убрать его руку из-под пледа, но... руки мои безвольно лежали поверх него, как ни в чём не бывало.

– Мы многое себе запрещаем, – продолжал Давид так же, как будто под пледом ничего не происходило, – а зачем? Ведь многие наши запреты – это просто недостатки воспитания. Нам вдолбили в голову – что это хорошо, а это плохо и мы свято в это верим и следуем этим правилам, даже не пытаюсь разобраться – что для нас по-настоящему хорошо, а что плохо.

Его рука достигла моих уже увлажнённых, сука, губ. Он начал нежно их поглаживать.

Я напряглась, сама же, невольно, скорее всего, подсознательно, слегка раздвигая ноги.

– А потом методом проб и ошибок мы выясняем, что оказывается: то, что было плохо – это на самом деле хорошо, а то, что хорошо – просто допотопный пуританский 17-й век с его мхом покрытой моралью.

Он всё так же чувственно массировал ладонью мой лобок,

мои губы и клитор, я закусила губу. С каждым его поглаживанием откуда-то снизу живота по всему телу разбегались приливами волны удовольствия, до макушки, до самых кончиков пальцев ног.

Сегодня я не могла смотреть ему в глаза.

Безвольно я смотрела в точку куда-то в низ угла комнаты.

– И представляешь, некоторые так никогда и не осознают – что же для них действительно хорошо в удовольствии, в сексе... – гипнотическим голосом продолжал Давид. – Они живут иллюзорной жизнью – зачастую внешне счастливой, но тревожной внутри, потому что мысли их греховные тянут совсем не туда – куда направили их родители и окружение. И трахается несчастный муж со своей женой всю жизнь и считает, что счастлив, а по ночам частенько ему снятся другие мужчины... и от этих снов он просыпается с мокрыми осеменёнными трусами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.